

УДК 338.2:347.736:347.9:658.1(470+571)
JEL: G33, K35, K4

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.2.249-269>

Научная статья

О. А. ЛЬВОВА¹

¹Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ БАНКРОТСТВА В УСЛОВИЯХ ЕГО ПРАВОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Львова Ольга Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансового менеджмента факультета государственного управления, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Адрес: 119992, Москва, Ломоносовский просп., 27, корп. 4, тел.: +7 (495) 939-11-01
E-mail: lvova@spa.msu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9835-3418>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/C-8152-2014>
eLIBRARY ID: SPIN-код: 3516-5230, AuthorID: 643795
IstinaResearcherID (IRID): 531598
Scopus Author ID: 57202515966

Цель: системное исследование процесса развития современного российского законодательства о несостоятельности (банкротстве) для выявления особенностей эволюции, оценки результатов, определения перспективных направлений трансформации системы банкротства.

Методы: в исследовании применялись общенаучные методы познания, в том числе системный подход, анализ и синтез, логический и сравнительный анализ, метод группировки и обобщения, экспертный анализ, методы научной классификации, табличные и графические приемы визуализации данных.

Результаты: разработаны принципы и методические подходы к анализу результативности трансформационных процессов в сфере банкротства; исследованы 118 редакций закона, внесших 1 604 изменения за 18 лет, определены ежегодная частота, объем и характер изменений, адаптационный период, на основе чего выявлено отсутствие корреляции между количеством изменений и интенсивностью банкротств компаний; раскрыты основные элементы модификации понятийного аппарата, подтвержден доминирующий вектор на усиление прав кредиторов и ответственности должника при сохранении относительной ограниченности его прав, выявлены редкий характер изменений реабилитационных процедур и низкая результативность системы торгов, раскрыт процесс институционализации арбитражных управляющих и саморегулируемых организаций, подтверждена высокая адаптивность института банкротства отдельных категорий должников, отражены заметные результаты развития информационной составляющей; обоснована целесообразность использования системного подхода к последующей модернизации банкротства.

Научная новизна: впервые проведено комплексное углубленное исследование процесса реформирования современного законодательства о несостоятельности на основе разработанного алгоритма хронологического и горизонтального (содержательного) анализа для количественной и качественной оценки результатов изменений по десяти предложенным векторам.

Практическая значимость: основные положения и выводы научной работы могут быть использованы: а) в научной деятельности для дальнейшего развития методологического аппарата исследований банкротства; б) законодательными органами при подготовке проектов нормативных правовых актов в целях совершенствования системы банкротства в России; в) в правоприменительной практике при рассмотрении сторонами вопроса о целесообразности обращения к процедурам банкротства с учетом выявленных возможностей и ограничений.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством; банкротство; несостоятельность; закон о банкротстве; права кредиторов; права должника; субсидиарная ответственность; арбитражный управляющий; саморегулируемые организации арбитражных управляющих; банкротство застройщиков; отдельные категории должников; система электронных торгов; статистика банкротств

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Львова О. А. Российский институт банкротства в условиях его правовой трансформации // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 2. С. 249–269. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.2.249-269>

The scientific article

O. A. LVOVA¹

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

RUSSIAN INSTITUTION OF BANKRUPTCY UNDER ITS LEGAL TRANSFORMATION

Olga A. Lvova, PhD (Economics), Associate Professor of the Department of Finance Management of the Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University
Address: 27 Lomonosovskiy prospekt, building 4, 119992 Moscow, tel.: +7 (495) 939-11-01
E-mail: lvova@spa.msu.ru
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/C-8152-2014>
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9835-3418>

Objective: to systematically study the development of modern Russian legislation on insolvency (bankruptcy) in order to identify the features of evolution, evaluate the results, and identify promising areas for the transformation of the bankruptcy system.

Methods: the study used general scientific methods of cognition, including a systematic approach, analysis and synthesis, logical and comparative analysis, the method of grouping and generalization, expert analysis, methods of scientific classification, tabular and graphical methods of data visualization.

Results: the principles and methodological approaches to the analysis of the effectiveness of transformational processes in the field of bankruptcy were developed; 118 versions of the law that made 1,604 changes over 18 years were studied; the annual frequency, volume and nature of changes, and the adaptation period were determined; on that basis, the absence of correlation was revealed between the number of changes and the intensity of company bankruptcies; the main elements of the modification of the conceptual apparatus were identified; the dominant vector for strengthening the creditors' rights and the debtor's responsibility while maintaining the relative limitation of their rights was confirmed; the rare nature of changes in rehabilitation procedures and the low effectiveness of the bidding system were revealed; the process of institutionalization of arbitration managers and self-regulatory organizations was shown; the high adaptability of the institution of bankruptcy of certain categories of debtors was confirmed; the noticeable results of the information component development were reflected; the expediency of using a systematic approach to the subsequent modernization of bankruptcy was justified.

Scientific novelty: for the first time, a comprehensive in-depth study of the process of reforming the modern insolvency law was conducted, based on the developed algorithm of chronological and horizontal (content) analysis for quantitative and qualitative assessment of the results of changes according to the ten proposed vectors.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the scientific work can be used: a) in scientific activities for the further development of the methodological apparatus of bankruptcy research; b) by legislative bodies in the preparation of draft normative-legal acts in order to improve the bankruptcy system in Russia; c) in law enforcement practice when the parties consider the feasibility of bankruptcy procedures, taking into account the identified opportunities and limitations.

Keywords: Economics and national economy management; Bankruptcy; Insolvency; Bankruptcy law; Creditors' rights; Debtor's rights; Subsidiary liability; Arbitration manager; Self-regulated organizations of arbitration managers; Bankruptcy of developers; Certain categories of debtors; Electronic bidding system; Statistics on bankruptcies

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Lvova O. A. Russian institution of bankruptcy under its legal transformation, *Actual Problems of Economics and Law*, 2021, Vol. 15, No. 2, pp. 249–269 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.2.249-269>

Введение

Банкротство является неотъемлемым элементом рыночной экономики, который наиболее остро реагирует на смену фаз делового цикла, общих условий ведения бизнеса в стране, колебания деловой конъюнктуры и динамично меняется вместе с развитием экономики. Эволюция системы банкротства в России за 30 последних лет включает три основных этапа, связанных с принятием соответствующих федеральных законов.

В 1992–1998 гг. действовал первый Закон о банкротстве¹, который содержал всего 51 статью и был принят для подготовки фирм к выходу в новую, рыночную экономику. В 1998–2002 гг. действовал второй специальный закон², который включал 189 статей и являлся прообразом современного: признаком несостоятельности стала неплатежеспособность, были внесены существенные изменения в концепцию государственного регулирования процессов банкротства, расширен круг возможных должников, появилась возможность введения не только ликвидации, но и реабилитационных процедур.

С 2002 г. по настоящее время – современный этап действия текущего Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)³», который в момент принятия содержал 233 статьи, а к сегодняшнему дню увеличился до 515 (т. е. растет в среднем на 16 статей, имеющих многоступенчатую нумерацию). Наибольший вклад в более чем двукратное увеличение объема внесли добавленные разделы по банкротству отдельных категорий должников – финансовых организаций (включая кредитные и страховые) (увеличение с 10 до 190 статей за счет присоединения некогда отдельного

закона⁴), застройщиков, введения института банкротства гражданина, обновления процессуальных аспектов разбирательства дела в суде.

Генезис банкротства широко описан в литературе. Зарождение конкурсных отношений в дореволюционной и советской России детально рассмотрено в фундаментальных трудах известных цивилистов Г. Ф. Шершеневича [1], А. Х. Гольмстена [2]. Предпосылки принятия законов о банкротстве 1992 и 1998 гг., их специфика и ограничения, результаты и последствия применения всесторонне исследованы и описаны в отечественной литературе такими учеными, как В. Ф. Попондопуло [3], В. В. Витрянский [4], С. А. Карелина [5], О. М. Свириденко [6].

Изучению действующего с 2002 г. законодательства посвящено множество публикаций современных ученых [7–9], однако обычно исследование проблем банкротства носит узкоспециализированный и преимущественно юридический характер вариативного толкования норм закона и судебной практики по конкретным вопросам, тогда как комплексные работы, исследующие значительный временной период, отсутствуют. Исследования экономических аспектов несостоятельности также обычно посвящены точечным вопросам – преимущественно диагностике банкротства [10–18], финансовому анализу должников [19], развитию реабилитационных процедур [20, 21].

Действующий Закон о банкротстве является одним из старейших и одновременно наиболее часто обновляемых нормативных правовых актов в современной России: так, за последние 18 лет было принято 118 редакций, которые в совокупности внесли в него 1 604 изменения⁵. Несмотря на высокую за-

¹ О несостоятельности (банкротстве) предприятий: Закон РФ № 3929-1 от 19.11.1992. URL: <https://base.garant.ru/10100750/> (дата обращения: 07.02.2021).

² О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон № 6-ФЗ от 08.01.1998. URL: <http://base.garant.ru/12107720/> (дата обращения: 07.02.2021).

³ О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон № 127-ФЗ от 26.10.2002 (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.01.2021). URL: <http://base.garant.ru/185181/> (дата обращения: 07.02.2021).

⁴ О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций: Федеральный закон № 40-ФЗ от 25.02.1999 (утратил силу). URL: <http://base.garant.ru/580219/> (дата обращения: 07.02.2021).

⁵ По состоянию на 26.02.2021. Для сравнения: в немецкий Закон о несостоятельности *Insolvenzordnung (InsO)*, принятый в 1994 г., к настоящему моменту было внесено всего 50 изменений. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_inso/index.html (дата обращения: 16.02.2021).

контворческую и публикационную активность по тематике банкротства, в настоящее время в научной литературе отсутствуют интегральные исследования процесса эволюции российского законодательства о банкротстве за весь период его существования, который нуждается в более детальном изучении как количественных, так и содержательных аспектов такой модернизации, ее последствий и перспектив.

Цель работы заключается в системном исследовании процесса развития современного российского законодательства о несостоятельности (банкротстве) для выявления особенностей эволюции, оценки результатов, актуализации перспективных направлений трансформации системы банкротства.

С 2017 г. активно обсуждается грядущее принятие очередного проекта закона о внесении изменений⁶, который призван кардинально изменить систему, стимулировать применение реабилитационных процедур. В сегодняшних условиях преодоления последствий экономического кризиса роль института банкротства в России снова активизируется, как и обсуждение данного проекта, претерпевшего значительные модификации по сравнению с первоначальной редакцией. Однако перед принятием новых мер в условиях доминирующей концепции внесения новых поправок, а не принятия нового закона [22] следует внимательно изучить характер и результаты уже принятых поправок.

Методология анализа, принятая в данной работе, основывается на трех измерениях: изучении числа изменений, предлагаемых каждой редакцией, даты вступления изменений в силу, а также содержательной значимости изменений с точки зрения влияния на развитие института банкротства, и реализуется следующим образом:

– на первом этапе проводится количественный (хронологический) анализ. Число изменений (поправок), предлагаемое каждой редакцией, представляет собой сводный расчет после сопоставления текстов за-

кона, представленного в двух информационно-правовых системах – «КонсультантПлюс» (113 редакций)⁷ и «ГАРАНТ» (112 редакций)⁸. Число изменений получено в результате последовательного попарного сравнения автором каждой прошлой и следующей редакции закона. Отдельное внимание уделено оценке значимости, или «технического» характера⁹, принятых изменений. Ввиду того, что включены новеллы, введенные другими редакциями ранее, но вступившие в силу спустя большой период времени, иногда проследить точное количество изменений в редакции затруднительно, и такие несоответствия подлежали выявлению и исключению вручную;

– на втором этапе проводится качественный (содержательный) анализ, в рамках которого обнаруженные изменения классифицируются по следующим категориям: (1) изменения понятийного аппарата, включающие введение новых или модификацию имевшихся терминов (например, обновление признаков банкротства юридического лица); (2) права кредиторов; (3) права должников (с учетом типа: юридические/физические лица); (4) ответственность должника; (5) реабилитационные процедуры (в отношении юридических лиц); (6) деятельность арбитражных управляющих; (7) деятельность саморегулируемых организаций арбитражных управляющих (далее – СРО АУ); (8) банкротство отдельных категорий должников (финансовые организации/застройщики/сельскохозяйственные организации/стратегические предприятия/субъекты естественных монополий и т. д.); (9) информационная прозрачность; (10) торги.

⁶ О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части процедуры реструктуризации долгов в делах о банкротстве юридических лиц»: проект Федерального закона № 239992-7. По состоянию на 26.02.2021, текст проекта принят Государственной Думой ФС РФ в I чтении 13.12.2017, но отклонен во II чтении 07.07.2020. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/239932-7> (дата обращения: 28.02.2021).

⁷ Редакции закона в системе «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=301026-0&rnd=B3F5300122B750D7A6A5578BEE19827C&req=doc&base=LAW&n=372105&REFDOC=301026&REFBASE=LAW#7bxq964ah6c> (дата обращения: 26.02.2021).

⁸ Сравнение редакций закона в системе ГАРАНТ. URL: <http://ivo.garant.ru/#%2Fdocument%2F185181%2Fparagraph%2F6284937%3A2> (дата обращения: 26.02.2021).

⁹ Техническими автором признавались изменения, вносимые в связи с вступлением в силу других взаимосвязанных нормативных актов, исправлением опечаток, внесением незначительных уточнений в текст закона.

Результаты исследования

Хронологический (количественный, вертикальный) анализ

Тезис о том, что экономические факторы оказывают воздействие на изменения в законодательстве [23], при анализе эволюции российского законодательства о банкротстве находит свое подтверждение лишь частично (рис. 1). О том же говорит рассчитанный по данным Росстата за 2002–2019 гг. коэффициент корреляции между количеством поданных заявлений о банкротстве компаний и ВВП (в млрд руб.), имеющий отрицательное значение $-0,19$. Таким образом, можно выявить слабое, статистически незначимое наличие (обратной) зависимости между этими величинами, тогда как логичная обратная зависимость между ВВП и удельным весом убыточных предприятий более заметна (коэффициент корреляции составляет $-0,63$). В свою очередь, сильная линейная зависимость наблюдается между удельным весом убыточных предприятий и компаний, имеющих просроченную задолженность (коэффициент корреляции равен $0,9$): почти каждая убыточная компания имеет просроченную задолженность, угрожающую неплатежеспособностью.

Анализ показал, что до 2004 г. в закон не вносились поправки, а в целом изменения за первые шесть лет после его принятия носили преимущественно технический характер и были направлены на доработку отдельных положений.

Максимальные по объему 330 изменений, внесенных в закон одной редакцией от 30.12.2008 № 296-ФЗ, несмотря на подтвержденную значимость¹⁰, не были кардинальными и не являлись ответом на финансовый кризис в стране, не привели к изменению числа банкротств, а закладывали основы для дальнейшего стратегического развития института банкротства (в части саморегулирования деятельности арбитражных управляющих и улучшения раскрытия информации после создания Единого федерального реестра

сведений о банкротстве¹¹ (далее – ЕФРСБ)), что было продолжено в 2009–2010 гг. Подобные нововведения были продиктованы требованиями времени по мере развития рыночной экономики в России. Значимым этапом модернизации системы банкротства становится 2009 г.: закладываются основы института оспаривания сделок должника¹², осуществляется переход к системе электронных торгов при реализации имущества предприятия-должника.

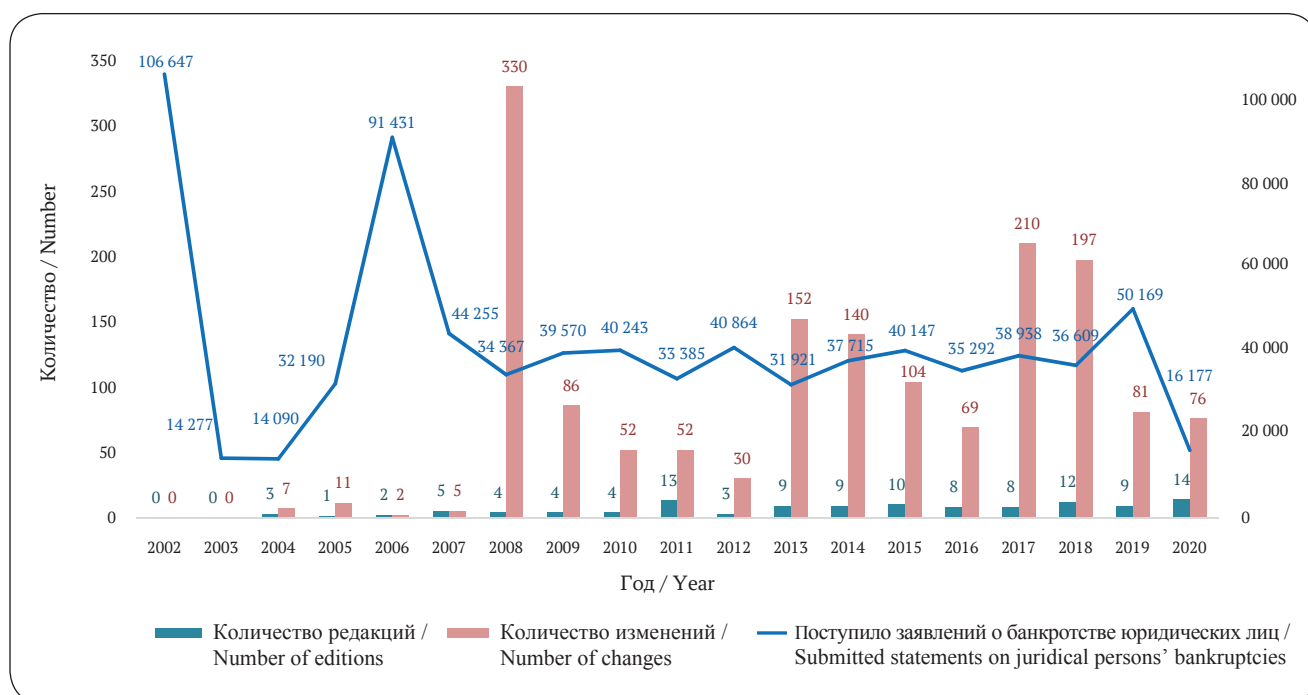
210 и 197 изменений, внесенных редакциями в 2017 и 2018 гг. соответственно (рис. 1), стали реакцией на назревшую необходимость борьбы со злоупотреблениями со стороны должников и активизацией применения механизма субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, основы которого были заложены в 2009 г. при оформлении института оспаривания сделок должника. В качестве реакции на усиление экономической нестабильности можно рассматривать поправки, внесенные в Закон в 2014 и 2015 гг. в отношении кредитных организаций и запуска процессов банкротства граждан как наиболее пострадавших в период кризиса категорий должников.

В большинстве случаев число поступивших заявлений о банкротстве не связано с количеством принятых поправок и внесенных изменений (рис. 1). Некоторое влияние на изменение интенсивности подачи заявлений о банкротстве организаций с временным лагом около одного года оказывают лишь отдельные конкретные изменения законодательства, влияние которых после 2007 г. устранено. В частности, заметное на рис. 1 колоссальное число поступивших заявлений в 2002 и 2006 гг. объясняется активизацией уполномоченного органа по «зачистке» рынка от отсутствующих должников по упрощенной процедуре, так как данная проблема не нашла «внебанкротного законодательного решения» [24]. Резкое сокращение числа заявлений в 2003 и 2007 гг. является следствием ужесточения правил подачи заявлений о ликвидации отсутствующих должников и ограничением бюджетного финансирования подобных действий по инициативе уполномоченного органа. В последующие годы резких всплесков количества заявлений о банкротстве не наблюдается,

¹⁰ О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»: Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда РФ № 60 от 29.07.2009. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90276/ (дата обращения: 01.02.2021).

¹¹ Единый федеральный реестр сведений о банкротстве. URL: <https://bankrot.fedresurs.ru/?attempt=1> (дата обращения: 01.02.2021).

¹² Вводится отдельная глава в ред. от 28.04.2009 № 73-ФЗ.

Рис. 1. Количество редакций Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и интенсивность банкротств с 2002 г. по 1-е полугодие 2020 г.

Примечание: за 2020 г. данные о количестве заявлений представлены за 1-е полугодие 2020 г.

Источник: составлено автором по материалам справочных правовых систем «КонсультантПлюс», «ГАРАНТ», данным судебной статистики Высшего Арбитражного суда РФ (2002–2013 гг.) и Судебного департамента при Верховном Суде РФ (2014 – 1-е полугодие 2020 г.).

Fig. 1. Number of editions of the Federal Law “On insolvency (bankruptcy)” and intensity of bankruptcies from 2002 till the 1st half year of 2020

Note: the 2020 data on the number of applications refer to the first half-year of 2020.

Source: compiled by the author based on the data of legal reference systems “Konsultant Plus”, “GARANT”, data of the judicial statistics of Higher Commercial Court of the Russian Federation (2002–2013) and the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation (2014 – 1st half year of 2020).

максимальные 40 тыс. заявлений наблюдаются в относительно благополучные 2007 и 2012 гг., что сопоставимо с кризисным 2015 г. Подобная ситуация говорит о некоторой стабилизации обращений к институту банкротства с 2007 г. на среднем уровне около 37 тыс. заявлений о банкротстве компаний в год и плавном характере принимаемых реформ, не оказывающем значимого влияния на интенсивность банкротств.

Сравнительный анализ даты выхода редакции и даты вступления в силу наиболее значимых изменений показывает отсутствие прямой зависимости между характером вводимых изменений и периодом на адаптацию к ним участников отношений несосто-

тельности – наиболее значимые реформы вступали в силу сразу (часто в конце календарного года) либо через месяц. Только 21 % редакций имел отложенное действие в виде вступления в силу по истечении срока более 180 дней со дня официального опубликования текста редакции, 13,2 % редакций содержали особые условия для вступления в силу ряда положений. Отсрочка во вступлении изменений в силу в основном связана с ужесточением финансовых условий для саморегулируемых организаций арбитражных управляющих (далее – СРО АУ) либо с созданием института банкротства граждан, активизация которого была отложена всего на четыре месяца с момента

выхода соответствующей редакции, тогда как сам законопроект активно обсуждался в обществе более года. Такой подход предполагал вынужденно быструю переориентацию профессионального сообщества на новые условия, ускоренное формирование правоприменительной практики, часто работу при отсутствии четких рекомендаций по практическому исполнению новых юридических норм¹³.

Представленный аналитический обзор хронологического характера целесообразно дополнить горизонтальным и более детальным исследованием по выделенным выше десяти векторам, формирующим отношения несостоятельности.

Изменение концептуального понятийного аппарата

Изучение процесса модификации тезауруса позволяет проследить периодическое смещение общего направления развития института банкротства в России, которое закладывает законодатель в соответствующие понятийные корректировки. Введенные в разные годы понятия стали основой формирования новых элементов института несостоятельности: в 2009 и 2013 гг. терминологические нововведения успешно заложили базис для окончательного оформления в 2017 г. института оспаривания сделок должника и привлечения к субсидиарной ответственности, в результате был также введен актуальный термин «объективное банкротство»¹⁴. Некоторые терминологические изменения можно было позитивно расценивать как шаг в сторону стимулирования реабилитационной составляющей банкротства:

¹³ К примеру, нормы о банкротстве граждан предусматривали (аналогично юридическим лицам) проведение анализа финансового состояния должника, который не может быть проведен по методикам, разработанным для юридических лиц (с расчетом коэффициентов по бухгалтерской отчетности, оценкой безубыточности деятельности), и на практике сводится лишь к оценке имущества гражданина для понимания возможностей его продажи для погашения обязательств. При этом финансовые управляющие (как новая категория арбитражных управляющих) отказывались работать в процедурах банкротства граждан ввиду низкой фиксированной оплаты труда, которая первоначально составляла 10 тыс. руб. за всю процедуру, и отсутствия понятных механизмов ее проведения.

¹⁴ О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 53 от 21.12.2017. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286130/ (дата обращения: 20.02.2021).

замена в 2008 г. «процедур банкротства» на «процедуры, применяемые в деле о банкротстве» позволяет уйти от однозначного восприятия банкротства как ликвидации, предполагает возможность реабилитационного исхода; «досудебная санация» заменяется на «санацию», т. е. становится возможной на любой стадии; «меры по обеспечению заявленных требований кредиторов» становятся «мерами по обеспечению требований кредиторов и интересов должника», включающими, помимо ограничений на использование и распоряжение имуществом, меры по обеспечению его сохранности, что важно для поддержания бизнеса в целом; цель продажи акций предприятия, созданного в результате замещения активов, «для погашения требований всех кредиторов» заменяется на «для восстановления платежеспособности должника», что в большей степени отвечает реабилитационной направленности процедуры внешнего управления. Однако дальнейший анализ показал, что этот пласт изменений оказался формальным, декларирующим созвучные мировой практике реабилитационные ориентиры на будущее, принятым без необходимых сопутствующих изменений самого механизма оздоровления бизнеса, к которому на практике по-прежнему обращаются не более чем в 2 % случаев.

Усиление защиты прав и интересов кредиторов

Наблюдается постепенное усиление норм, обеспечивающих защиту кредиторов, которое выражается в следующем.

1. Предоставление собранию кредиторов возможности влиять на арбитражного управляющего в деле о банкротстве – выбирать его кандидатуру, увеличивать фиксированную сумму вознаграждения и устанавливать размер и порядок дополнительных выплат (2006, 2008 гг.).

С одной стороны, эти возможности кредиторов не способствуют соблюдению установленного законом принципа независимости арбитражного управляющего¹⁵, а, наоборот, могут приводить к появлению дисбаланса в реализации интересов участников дела. Однако, с другой стороны, удовлетворение требо-

¹⁵ О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон. Ст. 20, п. 4. URL: <https://base.garant.ru/185181/> (дата обращения: 05.01.2021).

ваний кредиторов является важнейшей функцией института банкротства, которая в России все равно не реализуется в полной мере: процент удовлетворения требований даже в последние годы не превышает 5–6 %, во многом благодаря сохраняющейся практике использования механизма банкротства недобросовестными должниками для вывода активов и избавления от долгов. Именно поэтому материальное стимулирование арбитражного управляющего к поиску имущества должника, увеличению конкурсной массы заложено в российскую модель банкротства.

2. Сокращение срока конкурсного производства с 1 года до 6 месяцев (с возможностью продления еще на полгода) для ускорения расчетов.

Однако статистика свидетельствует, что уложиться в установленные законом предельные полуторагодовые сроки (547 дней) на стандартный набор из двух процедур (наблюдение и конкурсное производство) получается редко: с момента внесения этих поправок в 2008 г. количество рассмотренных заявлений о продлении срока процедур растет в среднем на 18 % ежегодно¹⁶. По данным ЕФРСБ, средняя продолжительность стандартной процедуры банкротства компаний составляет более двух лет и имеет тренд к увеличению: если в 2015 г. она составляла 738 дней, то в 2020 г. – уже 1 051 день¹⁷ (из которых 842 дня занимает конкурсное производство). Бывают и исключительные случаи: ежегодно около 1 000 дел находятся в производстве от 6 до 10 лет и около 100 дел – более 10 лет; обычно такие должники являются государственными предприятиями из сферы жилищно-коммунального или сельского хозяйства либо относятся к особым категориям должников (естественные монополии, стратегические и градообразующие предприятия), для которых действуют особые «смягченные» условия банкротства.

3. Усиление позиций «необеспеченных» кредиторов посредством изменения порядка распределе-

ния выручки от продажи заложенного имущества должника (2008 г.): теперь только 70 % направляется кредитору-залогодержателю, 20 % идет на погашение задолженности по зарплате перед кредиторами первой и второй очереди, а 10 % – на погашение судебных расходов, выплату вознаграждения управляющему и привлеченным лицам.

Изменение было направлено на решение проблемы удовлетворения требований остальных (незалоговых) кредиторов, оплаты труда управляющего и привлеченных консультантов, когда имущества должника недостаточно, а продаваемый залог является основным или единственным активом должника. Однако статистика по завершенным делам показывает, что доля требований кредиторов первой очереди в общем объеме требований (как включенных в реестр, так и удовлетворенных) крайне мала и ежегодно не превышает 0,2 %; требования кредиторов второй очереди аналогично составляют не более 0,7 %, среди удовлетворенных – от 1,2 до 4,5 % в отдельные годы (2016 г.); остальные 98 % требований относятся к категории «иных» и на практике как раз принадлежат торговым кредиторам (третья очередь) и кредитным организациям, обычно имеющим залог.

4. Расширение полномочий «обеспеченных» (залоговых) кредиторов и уточнение порядка разрешения разногласий между залогодержателями в случае повторных залогов на один объект имущества; получение ими права самостоятельно определять начальную продажную цену предмета залога, порядок и условия обеспечения его сохранности с покрытием соответствующих расходов за счет средств, вырученных от продажи (2014 г.).

5. Усиление позиций конкурсных кредиторов – кредитных организаций, в 2015 г. получивших привилегированное право обращаться в суд с заявлением о банкротстве должника, начиная с даты возникновения у него признаков банкротства без предварительного «просуживания» задолженности в рамках исполнительного производства.

В делах о банкротстве компаний кредиторы в целом являются заявителями чаще, чем должники (количество принятых заявлений от должников ежегодно не превышает 2 тыс. при более 20 тыс. принятых заявлений от кредиторов). Однако агрегированная статистика по всем типам должников дает обратное соотношение с 2018 г.: от должников поступает

¹⁶ Рассчитано автором по материалам Высшего Арбитражного суда РФ (с 2008 по 2013 г.). URL: <http://www.arbitr.ru/press-centr/news/totals/> (дата обращения: 16.02.2020); Судебного департамента при Верховном Суде РФ (с 2014 по 2019 г.). URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 16.02.2021).

¹⁷ Статистический бюллетень ЕФРСБ на 31 декабря 2020 г. С. 7. URL: <https://download.fedresurs.ru/news/Статистический%20бюллетень%20ЕФРСБ%2031%20декабря%202020.pdf> (дата обращения: 02.03.2021).

больше заявлений, чем от кредиторов, – за счет активизации института банкротства физических лиц, которые самостоятельно обращаются в суд в надежде освободиться от долгов (табл. 1).

Таблица 1

Структура заявителей по делам о банкротстве в 2014–2019 гг., в % от общего числа принятых заявлений

Table 1. Structure of applicants in cases of bankruptcy in 2014–2019, % of the total number of accepted statements

Принято к производству заявлений, % / Statements accepted as valid, %	Год / Year					
	2014	2015	2016	2017	2018	2019
От должника / From a debtor	21	16	39	40	51	57
От кредитора / From a creditor	58	63	54	50	39	31
От уполномоченных органов / From the authorized bodies	21	20	7	10	10	11

Источник: рассчитано автором по данным статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

Source: calculated by the author based on the data of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation.

После введения описанных поправок в законодательство число заявлений от кредиторов в 2015 г. увеличилось на 32 % относительно прошлого года, далее в 2016 г. – еще на 14 %, однако отсортировать среди них нужные заявления от кредиторов-банков о банкротстве должников компаний (а не граждан) не представляется возможным: эти данные раскрываются только начиная с 2017 г. Данные статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ и ЕФРСБ несколько различаются, однако позволяют заключить, что доля заявлений от кредитных организаций как в общем числе заявлений, так и в числе заявлений от конкурсных кредиторов не превышает 10 % и остается относительно стабильной в рамках тренда.

Практика также подтверждает усиление позиций кредиторов: в современных публикациях российских юристов предлагается актуальный инструментарий по защите прав независимых (не аффилированных с должником) кредиторов и повышению уровня возврата средств, а также делается вывод о том, что в 2018 г. «мяч находится на стороне кредиторов» [25].

6. Расширение и (или) совершенствование инструментария защиты прав и интересов кредиторов в части оспаривания сделок должника, привлечения

контролирующих его лиц (далее – КДЛ) к субсидиарной ответственности, взыскания убытков с КДЛ и арбитражных управляющих.

Ограниченное развитие механизмов защиты прав должников

Рассмотрение динамики российского законодательства о банкротстве с точки зрения реализации прав и интересов должника зависит от его типа – юридическое или физическое лицо.

Применительно к должникам-гражданам произошли значительные изменения в связи с введением института потребительского банкротства в 2015 г.: были определены порядок и последствия признания граждан несостоятельными, особенности рассмотрения дела в случае смерти, уточнены применяемые процедуры, дополнен понятийный аппарат, создан отдельный подвид профессии арбитражного управляющего – «финансовый управляющий». Институт развивается динамично: число процедур банкротства граждан сегодня превышает количество процедур по компаниям, что соответствует мировой практике, заявителями выступают сами граждане-должники, а наиболее часто применяемой процедурой в их отношении является реализация имущества.

Исследование прав должника – юридического лица проводилось применительно к субъектному составу лиц, которые имеют отношение к компании (собственники (учредители)/руководители).

В мировой практике выделяются следующие направления, по которым изучается процесс развития механизмов защиты прав учредителей: ответственность учредителей за доведение до банкротства, их полномочия по участию в управлении должником в судебных процедурах, положение учредителей при реорганизации несостоятельного бизнеса, включая возможность влияния на преодоление кризиса в судебных реабилитационных процедурах и на выбор управляющего, участие в разработке и голосовании за план реорганизации, право предоставлять «новое финансирование» в банкротстве¹⁸. В России иная

¹⁸ Протокол заседания руководящего комитета рабочей группы практиков по несостоятельности в рамках Глобального форума по праву, правосудию и развитию от 16 ноября 2015 г. URL: <http://globalforumljd.com/new/sites/default/files/documents/communitiesOfPractice/2015-Activity%20Report%20-%20Insolvency%20CoP.pdf> (дата обращения: 10.01.2021).

ситуация – вопросы реорганизации и участия в ней учредителей редко находят отражение в реформировании законодательства и судебной практике, которые развиваются по противоположному пути ограничения в правах и усиления ответственности. Многие из описанных мировых механизмов все же действуют, но в ограниченном виде: полномочиями в деле о банкротстве обладает избранный представитель участников должника, в процедурах наблюдения и внешнего управления учредители имеют право инициировать увеличение уставного капитала должника за счет дополнительной эмиссии акций и их размещения по закрытой подписке, возможности обеспечения дополнительного финансирования в процедурах банкротства за счет заемных источников исключены статьями 64 и 94 Закона. С конца 2019 г. обсуждается целесообразность ужесточения порядка субординации требований кредиторов, если реестр включает требования учредителей, накануне банкротства предоставивших заемные средства («антикризисное финансирование») для спасения должника¹⁹. Причиной подобного «сдерживающего» вектора развития российского законодательства может быть высокое распространение преднамеренных банкротств, которые недобросовестные должники используют с целью вывода активов: ежегодно около 37 % компаний-должников по результатам инвентаризации на момент начала процедуры банкротства не имеют имущества²⁰.

Второе направление эволюции прав должника – права руководителей – у нас аналогично реализуется посредством обратного процесса увеличения их обязанностей и ответственности. К примеру, с открытием дела о банкротстве вводятся ограничения действий органов управления должника (совета директоров и собрания акционеров), которые не могут принимать решения о крупных сделках, изменении структуры бизнеса, распределять прибыль на дивиденды и пр.

¹⁹ Учредителям пропишут, как соблюдать субординацию // Готовится проект разъяснений ВС. URL: https://zakon.ru/discussion/2019/9/30/uchreditelyam_propishut_kak_soblyudat_subordinaciyu_gotovitsya_proekt_razyasnenij_vs (дата обращения: 30.11.2020); Проект обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением требований контролирующего должника лиц в процедурах банкротства. URL: <https://zakon.ru/Tools/DownloadFileRecord/24122> (дата обращения: 30.11.2020).

²⁰ Статистический бюллетень ЕФРСБ на 31 декабря 2020 г. С. 15.

Российские реформы учитывают и третий, внутренний аспект исследования прав должника – разнонаправленность интересов собственников и руководителей компаний-должников, предоставляя учредителям возможность обжаловать действия бывшего директора должника и замещающего его в процедурах банкротства арбитражного управляющего. Подобный подход может объясняться высоким уровнем недобросовестного поведения должника в преддверии банкротства и в ходе судебных процедур.

Усиление ответственности должника

Несмотря на наличие специальных составов преступлений в Уголовном кодексе РФ (ст. 195–197), на практике кредиторы обращаются к уголовному преследованию контролирующих должника лиц (далее – КДЛ) довольно редко [26]: уголовные дела возбуждаются в 15–20 % случаев, где арбитражный управляющий выявил соответствующие признаки, но из числа привлеченных лиц судимость получает не более 40 человек в год (большая часть – за преднамеренное банкротство). Для сравнения приведем статистику по другому виду ответственности КДЛ – субсидиарной: в 2020 г. к ней был привлечен 3 191 человек (т. е. в 80 раз больше), а материальный размер ущерба превысил аналогичный показатель по уголовным делам в 20 раз.

Окончательное законодательное оформление института субсидиарной (дополнительной) ответственности при банкротстве в 2017 г. стало следствием отсутствия работающего механизма противодействия злоупотреблениям со стороны должников. В перечень нарушений были включены конкретные основания, в том числе неподача (или несвоевременная подача) заявления о банкротстве компании руководителем; круг лиц, которые могут быть признаны контролирующими, был расширен с целью поиска конечных выгодоприобретателей и реальных (не номинальных) директоров. Хотя первоначальной целью поправок была максимизация поступлений в бюджет²¹ в делах с превалирующей налоговой задолженностью, а По-

²¹ О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ: Письмо от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@. П. 5.2.2. URL: https://www.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/doc/fns16148_160817.doc (дата обращения: 20.01.2021).

становление Верховного Суда²² разъясняло саму доктрину субсидиарной ответственности [27] как применяемого в исключительных случаях механизма восстановления нарушенных прав кредиторов, на практике данный замысел не был принят во внимание, а сам механизм получил широкое распространение – кредиторы восприняли его как последнюю возможность повысить уровень возврата долгов. Поиск конечных бенефициаров компании, имущество которой выведено [28] с учетом ретроспективной силы института субсидиарной ответственности, допускающей исследовать действия КДЛ в течение трех лет до появления признаков банкротства, стал устойчивой практикой, встречающейся в каждом втором случае. В результате число заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности с 2016 г. к концу 2020 г. увеличилось в 2,5 раза, доля удовлетворенных судами заявлений – с 16 до 39 %, совокупный размер ответственности в таких судебных решениях вырос в 5,6 раза²³.

Однако, несмотря на установленный судами общий высокий размер ответственности, который в 2020 г. достиг в совокупности 395 млрд руб., на практике исполнение таких решений затруднено по причинам: наличия длительного временного лага между моментом появления финансовых проблем и подачей заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, достаточного для того, чтобы недобросовестные контролирующие лица вывели активы и назначили номинального руководителя; преобладания оценочных категорий, которые подлежат разрешать суду в виде тонкой грани между злоупотреблением и нормальным предпринимательским риском; сложности поиска и доказывания контролирующего влияния реальных бенефициаров, отсутствия универсального инструментария выявления признаков «объективного банкротства» [29], дублирования норм различных ветвей законодательства, смешения роли правовых институтов [30, 31]. По оценкам экспертов, реальная исполнимость решений по субсидиарной ответствен-

ности не превышает 5 %, а права требования к контролирующим лицам реализуются на торгах с огромным дисконтом ввиду нереальности быстрого выявления активов таких лиц и невозможности обращения взыскания на них со стороны самого должника (в лице конкурсного управляющего).

Таким образом, активное развитие института субсидиарной ответственности увеличило нагрузку на суды и дало кредиторам дополнительный инструмент взыскания, который еще не заработал в полную силу ввиду сложности выявления как конечных бенефициаров, так и активов уже привлеченных к ответственности лиц.

Незначительные изменения механизма реабилитации в банкротстве

В отличие от зарубежной практики изменения российского законодательства в сфере использования реабилитационного потенциала банкротства носят несистемный, точечный, преимущественно формальный характер. Меры по предупреждению банкротства предприятий в российском законе остаются декларативным заголовком, который не включает в себя описание механизма, указание на конкретные способы оздоровления проблемных, но жизнеспособных компаний. Модификация этих норм направлена на консолидацию с положениями о субсидиарной ответственности руководителя должника, нежели на создание рабочих инструментов предупреждения банкротства. Сам реабилитационный механизм в рамках судебных процедур применительно к обыкновенным организациям-должникам, не имеющим специального статуса, не менялся с момента принятия закона и на практике применяется не более чем в 1–2 % случаев. Для сравнения: в США доля процедур банкротства компаний по гл. 11 «Реорганизация» колеблется на уровне 20–32 %²⁴, в традиционно прокредиторской Англии составляет от 7 до 12 %²⁵.

²² О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 5. П. 1.

²³ Статистический бюллетень ЕФРСБ на 31 декабря 2020 г. С. 25.

²⁴ U.S. Bankruptcy Courts – Business and Nonbusiness Cases Filed, by Chapter of the Bankruptcy Code, District, and County. URL: <https://www.uscourts.gov/statistics-reports/caseload-statistics-data-tables> (дата обращения: 02.03.2021).

²⁵ Insolvency Service Official Statistics. URL: <https://www.gov.uk/government/collections/insolvency-service-official-statistics> (дата обращения: 02.03.2021).

Регулирование деятельности арбитражных управляющих: неизменные квалификационные требования, усиление ответственности, тренд к обеспечению независимости

Профессиональные требования и вознаграждение арбитражных управляющих менялись единожды и незначительно, тогда как в последние годы трендом стало усиление их ответственности. Универсальные квалификационные требования к управляющим остаются минимальными, а задача повышения их квалификации реализуется саморегулируемыми организациями формально: дополнительное обучение заменяется зачетом участия управляющего в любых (даже непрофильных) конференциях. С 1 января 2021 г. в рамках «регуляторной гильотины» соответствующий Федеральный стандарт²⁶ с требованиями к СРО по организации повышения уровня профессиональной подготовки арбитражных управляющих и вовсе был упразднен²⁷.

Слабая материальная заинтересованность и недостаточный уровень квалификации арбитражных управляющих на фоне недостаточного контроля со стороны СРО АУ, несовершенства самой методики анализа финансового состояния должников [32], присутствия коррупционной составляющей в их действиях и зависимости от кредиторов не позволяют эффективно проводить реабилитацию должника.

Первым шагом на пути решения вопроса обеспечения независимости арбитражных управляющих становится внедрение механизма назначения на процедуру в результате случайного выбора СРО АУ (при

подаче заявления должником); практика движется в сторону создания рейтингов арбитражных управляющих, первым из которых стал рейтинг Федеральной налоговой службы, основанный на статистике допущенных управляющими нарушений²⁸.

Тренд усиления ответственности управляющих реализуется через введение обязательного страхования ответственности, формализации контроля за их деятельностью со стороны СРО АУ, ужесточение последствий нарушений и административной ответственности управляющих, увеличение размера компенсационного фонда СРО АУ и максимального размера компенсационной выплаты за причинение убытков арбитражным управляющим. При этом на практике многие нарушения носят процедурный и технический характер, а основными санкциями становятся не самые серьезные – штрафы и вынесение предупреждения и (или) устного замечания.

Результатом введенных законодательных новелл стал рост количества жалоб на арбитражных управляющих в процедурах банкротства: с 2014 г. к концу 2020 г. количество жалоб увеличилось в 4,8 раза, в среднем каждая четвертая процедура сопровождается жалобой на арбитражного управляющего, что приводит к затягиванию сроков процедур, увеличению нагрузки на суды. Значительный рост числа жалоб, с одной стороны, подтверждает тезис о недостаточной квалификации арбитражных управляющих, однако, с другой, может быть следствием использования данного механизма сторонами дела как средства давления на управляющего, обеспечения преимущества в процедурах банкротства. Вопрос соразмерности нарушений и ответственности арбитражных управляющих остается дискуссионным: к примеру, рост доли подготовленных ими отчетов о проведении финансового анализа с комментарием «недостаточно информации» можно вменить в вину как самим арбитражным управляющим (за бездействие по их истребованию у должника), так и должникам, которые не предоставили или намеренно скрыли документы.

²⁶ Об утверждении Федерального стандарта деятельности саморегулируемых организаций арбитражных управляющих «Требования к организации повышения уровня профессиональной подготовки арбитражных управляющих»: Приказ Минэкономразвития России № 786 от 26.12.2013. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157340/ (дата обращения: 05.03.2021).

²⁷ О признании утратившими силу нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, об отмене некоторых актов и отдельных положений актов Министерства экономического развития Российской Федерации, содержащих обязательные требования, соблюдение которых оценивается при проведении Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии мероприятий по государственному контролю (надзору): Постановление Правительства РФ № 851 от 11 июня 2020 г. URL: <http://base.garant.ru/74262954/> (дата обращения: 05.03.2021).

²⁸ ФНС. Банкротство. URL: <https://www.nalog.ru/rn77/taxation/bankruptcy/#title11> (дата обращения: 05.03.2021).

Институциональное оформление саморегулируемых организаций арбитражных управляющих

Исследование позволяет сделать вывод о промежуточной стадии формирования института саморегулирования деятельности арбитражных управляющих в России, который реализует свои функции не в полной мере на всех уровнях. Несмотря на высокие статистические показатели контрольной деятельности СРО АУ по числу проводимых ими проверок, положительные оценки уровня развития института саморегулирования в ежегодных докладах Минэкономразвития²⁹, в последние годы наблюдается рост размера убытков, причиняемых арбитражными управляющими в делах о банкротстве, что не позволяет сделать вывод о надлежащем выполнении СРО АУ функций по контролю за деятельностью своих членов и применения к ним соответствующих мер ответственности.

Функция стандартизации деятельности также не получила качественного распространения: на фоне количественного увеличения принятых всеми СРО АУ стандартов и среднего числа стандартов, приходящихся на одну саморегулируемую организацию, снижается доля «стандартов СРО АУ, устанавливающих более высокие требования к выполнению работ (оказанию услуг), чем требования, установленные нормативными правовыми актами»: в 2018 г. минимум у 24 СРО АУ (из 48) вообще отсутствовали утвержденные стандарты, устанавливающие более высокие требования. Национальное объединение СРО АУ также недостаточно реализует свои полномочия в части стандартизации: в 2011–2015 гг. было принято семь федеральных стандартов, тогда как такая важная на практике область, как проведение анализа финансового состояния должника, по-прежнему регулируется устаревшими документами, принятыми в 2003–2004 гг.³⁰ Ежегодное увеличение с 2015 г. раз-

меров выплат из компенсационных фондов СРО АУ рассматривается как показатель эффективности механизма имущественной ответственности. Однако в то же время увеличение выплат из компенсационных фондов саморегулируемых организаций является следствием причинения многомиллионных убытков арбитражными управляющими в процедурах банкротства, что свидетельствует как о наличии злоупотреблений и недостаточном контроле со стороны СРО АУ, так и о низком уровне квалификации управляющих при отсутствии должного переобучения, организуемого саморегулируемыми организациями.

Кардинальное реформирование системы торгов

В сфере организации торгов имуществом компаний-банкротов произошла коренная трансформация: была внедрена электронная форма продажи, созданы операторы электронных торговых площадок (далее – ЭТП) и институт саморегулирования их деятельности. Значение электронных торгов в процедурах банкротства трудно переоценить: они призваны повысить прозрачность и открытость процедур, исключают издержки бумажного документооборота, должны обеспечивать привлечение к торгам наибольшего числа потенциальных покупателей, способствуя переходу прав собственности на имущество должника от неэффективных собственников к эффективным, сохранению имущества в экономическом обороте. Эволюция торгов соответствует общему вектору цифровизации экономики страны.

Однако, несмотря на достигнутое увеличение количества опубликованных лотов (с 60 тыс. в 2011 г. до 217 тыс. в 2020 г.³¹) и аналогичное расширение круга участников торгов, а также безусловный приоритет электронной формы над бумажным документооборотом, наш анализ не позволяет сделать вывод

²⁹ Доклад Минэкономразвития России «О состоянии развития саморегулирования предпринимательской и профессиональной деятельности в Российской Федерации», 2019 г. URL: <https://ar.gov.ru/ru-RU/document/default/view/554> (дата обращения: 25.01.2021).

³⁰ Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа: Постановление Правительства РФ № 367 от 25.06.2003. URL: <http://base.garant.ru/12131539/>; Об утверждении временных правил проверки арбитражным

управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства: Постановление Правительства РФ № 855 от 27.12.2004. URL: <http://base.garant.ru/187738/> (дата обращения: 18.01.2021).

³¹ Анализ торгов по банкротству и активности электронных торговых площадок по результатам 2019 г. // ООО «БСП-консалтинг». С. 4. URL: <https://download.fedresurs.ru/news/BSR%20статистика%20ЕФРСБ%20с%20детальным%20рейтингом%20за%20год%202011-2020.pdf> (дата обращения: 11.03.2021).

о достижении механизмом электронных торгов своих основных целей – максимизации вырученных средств от продажи активов банкрота для удовлетворения требований кредиторов (по наиболее высокой цене и (или) за короткий срок), повышения прозрачности и открытости процедур торгов.

Установленный законом порядок проведения торгов через аукцион (конкурс) на повышение цены и лишь на третий раз – на понижение цены в ходе публичного предложения себя не оправдывает (рис. 2).

Аукцион или конкурс на повышение подходит в первую очередь для ликвидных объектов и в 2014–2018 гг. обеспечивал продажу в среднем вдвое дороже начальной цены по состоявшимся торгам. Однако с учетом того, что 94 % аукционов признаются несостоявшимися, этот положительный эффект доступен

для уникальных объектов и во все годы «перекрывается» последующими торгами со снижением цены.

Публичное предложение представляет собой третьи или четвертые торги, но на понижение, что частично обуславливает их успех и факт продажи имущества в банкротстве. С другой стороны, с учетом прошедшего с начала торгов времени (около шести месяцев) и завышенной начальной цены финальная стоимость имущества, реализованного в рамках публичного предложения, снижается на 62–70 % (после ее обязательного первоначального снижения на 10 % на повторных, но несостоявшихся торгах). В целом срок реализации имущества может затянуться на год, что также не способствует решению задачи максимального удовлетворения требований кредиторов, денежные обязательства перед которыми обесцениваются.

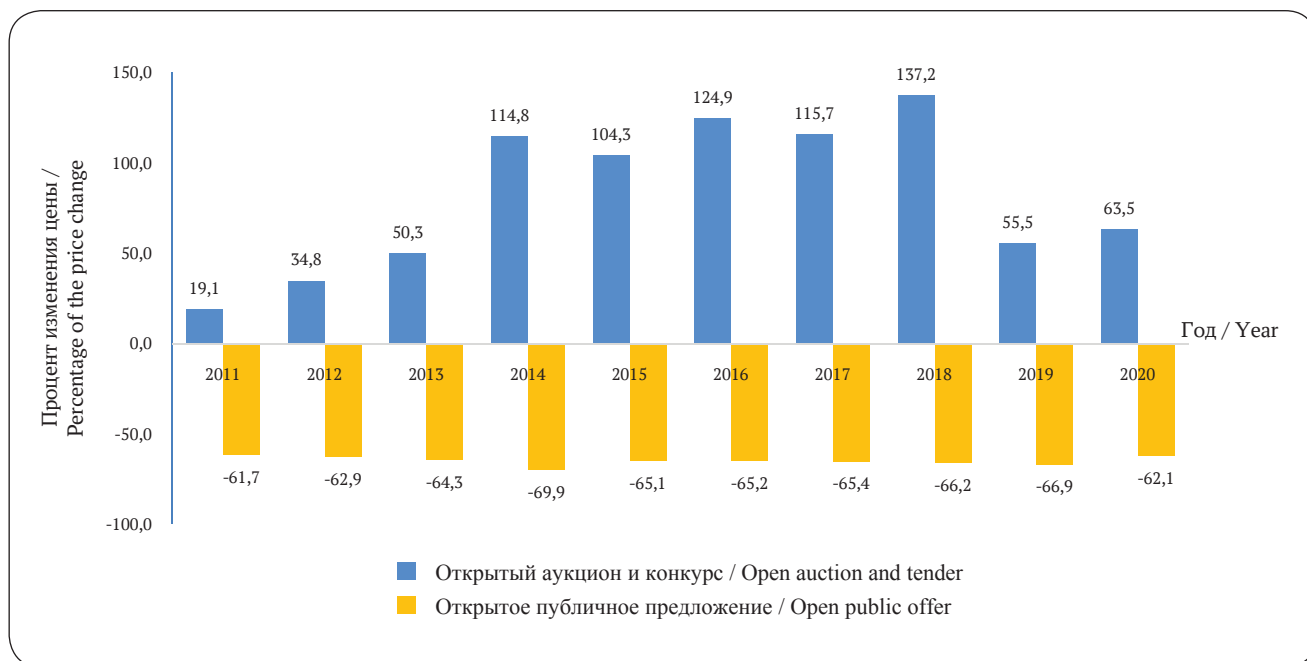

Рис. 2. Изменение цены* на торгах (в среднем по всем ЭТП) в 2011–2020 гг.

* Рассчитана фактическая стоимость реализации имущества в процентах к начальной цене в состоявшихся торгах.

Источник: рассчитано автором по рейтингам электронных торговых площадок (ЭТП), осуществляющих торги в банкротстве // Федресурс, 31.01.2020. URL: [http://download.fedresurs.ru/news/statistic%20ETP%20\(31%2012%202019\)%20rank.xlsx](http://download.fedresurs.ru/news/statistic%20ETP%20(31%2012%202019)%20rank.xlsx) ; [https://download.fedresurs.ru/news/statistic%20ETP%20\(31_12_2020\)%20rank.xlsx](https://download.fedresurs.ru/news/statistic%20ETP%20(31_12_2020)%20rank.xlsx) (дата обращения: 11.03.2021).

Fig. 2. Price change* during biddings (average at all ETF) in 2011–2020

* The factual price of selling the property in percent to the initial price in the accomplished biddings.

Source: calculated by the author based on the rankings of the electronic trading facilities (ETF), carrying out bidding under bankruptcy // Fedresurs, 31.01.2020, available at: [http://download.fedresurs.ru/news/statistic%20ETP%20\(31%2012%202019\)%20rank.xlsx](http://download.fedresurs.ru/news/statistic%20ETP%20(31%2012%202019)%20rank.xlsx) ; [https://download.fedresurs.ru/news/statistic%20ETP%20\(31_12_2020\)%20rank.xlsx](https://download.fedresurs.ru/news/statistic%20ETP%20(31_12_2020)%20rank.xlsx) (access date: 11.03.2021).

Стоимость имущества в банкротстве снижается под воздействием спроса на рынке, что позволяет в какой-то степени рассматривать торги на понижение как механизм установления рыночной стоимости имущества банкрота, которое, однако, реализуется со значительным дисконтом и временным лагом из-за длительного периода экспозиции. Торги на повышение не оправдывают свое существование, а наличие возможности купить дешевле не мотивирует участников рынка покупать имущество банкрота по завышенной стоимости, ожидая закономерного снижения цены в публичном предложении.

Для российской системы торгов по-прежнему характерна недостаточная прозрачность процедуры, сложный для потенциальных покупателей порядок участия в торгах, низкая эффективность системы информирования участников, распространенная практика контролируемых торгов и коррупционных схем, высокий уровень злоупотреблений – проблемы, которые лишь частично могут быть решены за счет предлагаемого введения голландской системы торгов и консолидации рынка операторов торговых площадок.

Активное развитие банкротства отдельных категорий должников

В данной области институт банкротства подстраивался под ухудшение экономических условий наиболее гибко. Нормы по корректировке порядка банкротства традиционных категорий (естественных монополий, стратегических предприятий, сельскохозяйственных организаций и крестьянско-фермерских хозяйств) в 2002–2020 гг. были единичными и точечными и преимущественно выражались в интеграции отдельных нормативных актов в общий Закон о банкротстве. Основное внимание законодателя было сосредоточено на банкротстве банков и застройщиков.

Регулирование банкротства банков является своеобразным локомотивом, областью, которой уделяется первостепенное внимание в модификации законодательства о несостоятельности с учетом неустойчивости российской финансовой системы. В данной области развиваются антикризисные направления, которым не уделяется достаточно внимания применительно к обычным организациям-банкротам: в специальную главу Закона постепенно вводились разделы, посвященные предупреждению банкротства

банка, проведению анализа его финансового положения Банком России, урегулированию обязательств банка-должника и пр.

В 2011 г. был введен институт банкротства принципиально новой категории должников – застройщиков, который активно совершенствовался во все последующие годы. Этот вектор безусловно важен для снижения негативных социальных последствий неисполнения обязательств компаниями, строящими жилые дома. Данная мера позволяла участникам долевого строительства предъявлять к девелоперу не только денежные требования, но и претендовать на получение жилья, если дом будет достроен, т. е. предоставляла дополнительные инструменты для реализации их прав, а также возможности восстановления платежеспособности застройщика [33].

Результатом реформирования стал постепенный рост процедур банкротства застройщиков. Если в 2004–2006 гг. их количество было незначительным (24 дела) и оставалось таким до 2015 г., то в 2016 г. в процедурах банкротства была уже 61 компания-застройщик, в 2017 г. – 281, а к концу 2019 г. общее число застройщиков в активных процедурах банкротства увеличилось до 609 (табл. 2).

Несмотря то, что обращение к реабилитационным процедурам в случае с должниками-застройщиками более предпочтительно для кредиторов – участников долевого строительства и на практике происходит чаще, чем в делах должников – обычных организаций, основной процедурой и здесь является конкурсное производство (табл. 2): его доля имеет тенденцию к росту, достигая 73 % дел о банкротстве застройщиков к концу 2019 г.

Корреляционный анализ показывает наличие устойчивой прямой связи между увеличивающимися объемами текущего строительства (в тыс. кв. м строящихся всеми застройщиками площадей) и ростом числа банкротств застройщиков: коэффициент, рассчитанный по данным за 2017–2019 гг., достигает 0,89. Однако число банкротств застройщиков при этом слабо коррелирует с объемом жилья, введенного в эксплуатацию в отчетных периодах (коэффициент корреляции составляет 0,4), т. е. оценить эффект их банкротства с точки зрения результативности строительства затруднительно.

Основная причина роста банкротств застройщиков в 2018–2019 гг. связана с введением новых правил для

Таблица 2

Застройщики в процедурах банкротства и доля незавершенного строительства в общем объеме (2017–2019 гг.)

Table 2. The developers in the bankruptcy procedures and the share of unaccomplished construction in the total volume (2017–2019)

Показатель / Indicator	Декабрь 2017 г. / December 2017	Декабрь 2018 г. / December 2018	Декабрь 2019 г. / December 2019
Число застройщиков в процедурах банкротства / Number of developers in the bankruptcy procedures	281	457	609
Из них доля застройщиков в процедуре / Of them the share of developers in the procedures:			
конкурсное производство, % / tender, %	37,7	55,4	72,7
наблюдение, % / observation, %	37,7	20,6	5,1
внешнее управление, % / external control, %	8,9	8,3	5,2
Доля застройщиков-банкротов в общем числе застройщиков в РФ, % / Share of bankrupt developers in the total number of developers in the Russian Federation, %	9,4	13,8	19,8
Доля незавершенного строительства застройщиков-банкротов в текущем объеме строительства, % / Share of unaccomplished construction of the bankrupt developers in the current construction, %	6,1	8,5	9,5

Примечание: погрешность, не позволяющая получить 100 % общего числа процедур в отчетном периоде, обусловлена наличием определенного числа дел, производство по которым прекращено, либо введением финансового оздоровления (в 1 % случаев).

Источник: рассчитано автором по материалам аналитических обзоров «Жилищное строительство. Застройщики-банкроты», «Строительство жилья» в Российской Федерации // ООО «Институт развития строительной отрасли». URL: https://erzrf.ru/issledovaniya?shop_types=6157931001 ; https://erzrf.ru/issledovaniya?shop_types=5114106001&shop_regions=Российская%20Федерация (дата обращения: 11.03.2021).

Note: the error, not allowing to obtain 100% of the total number of procedures in the report period, is due to the presence of a certain number of dismissed cases or initiation of financial recovery (1% of all cases).

Source: calculated by the author based on the data of analytical reviews “Residential construction. Bankrupt developers”, “Residential construction in the Russian Federation” // “Institute for the Construction Sector Development” LLC, available at: https://erzrf.ru/issledovaniya?shop_types=6157931001; https://erzrf.ru/issledovaniya?shop_types=5114106001&shop_regions=Российская%20Федерация (access date: 11.03.2021).

девелоперов, направленных на защиту прав участников долевого строительства, в результате чего на рынке смогут остаться только крупные застройщики.

Улучшение информационной составляющей

Значение раскрытия информации в процедурах банкротства трудно переоценить, так как оно позволяет реализовывать следующие задачи:

- проверка контрагентов и оценка рисков посредством изучения информации об активах (стоимости чистых активов, данных аудиторских отчетов и отчетов об оценке стоимости, сведений об обременениях), разрешениях участников на осуществление видов деятельности, подлежащих лицензированию и (или) обязательному членству в СРО, мониторинга событий контрагентов;

- защита обеспечительных прав посредством информирования третьих лиц об их наличии, поиск имущества с обременениями;

- защита интересов кредиторов за счет получения информации о ходе и результатах процедур банкротства, полномочиях арбитражных управляющих, а также своевременных уведомлений о собраниях кредиторов и принимаемых ими решениях;

- повышение эффективности торгов в банкротстве посредством публикации сведений о проведении и результатах торгов, противодействия манипулированию за счет отображения данных о ходе торгов;

- снижение стоимости публикации информации и нагрузки на бизнес в связи с переходом на электронный формат раскрытия;

– обеспечение общедоступности сведений о банкротстве для всех заинтересованных лиц.

С 2013 г. в законодательство регулярно вносились поправки, расширяющие список сведений для публикации, была введена ответственность за нераскрытие. Помимо созданного в 2008 г. единого центра раскрытия «Федресурс» (включает ЕФРСБ), функционируют вспомогательные электронные сервисы (система «Электронное правосудие», сервисы ФНС для выбора кандидатуры арбитражного управляющего и (или) СРО АУ, информационные системы для организации электронных торгов). При этом часть источников представляется излишней, как, например, дублирование информации о банкротстве компаний в печатном виде в субботнем номере газеты «Коммерсантъ», объем которого достигает 250 страниц.

Важным элементом развития информационной составляющей является формирование пула статистических данных о банкротстве, которые могут быть использованы для анализа практических результатов регулирования. На сегодняшний момент единый достоверный источник статистической информации не сформирован: изменение форм представления данных при передаче полномочий ведения судебной статистики от ВАС РФ к Судебному департаменту при Верховном Суде РФ в 2014 г., разница в источниках формирования данных и «ракурсах» представления данных с другим основным источником – «Федресурсом» (на основе заполнения обязательных форм арбитражными управляющими) – затрудняет преемственность для аналитических расчетов и выявления трендов за весь период развития законодательства о банкротстве в России, осложняет интерпретацию статистики.

Выводы

Несмотря на высокую интенсивность обновления законодательства (в среднем пять раз в год), развитие законодательства о банкротстве носит не сбалансированный и системный, а фрагментарный характер: многие изменения объясняются не объективными причинами, а являются результатом лоббирования интересов коммерческих и государственных структур (например, введение льготных условий для подачи заявления о банкротстве должника банками-кредиторами, придание залогового статуса требованиям уполномоченного органа), тогда как необходимость

принятия системно значимых норм (об увеличении минимальной суммы задолженности для подачи заявления о банкротстве компаний, о возможности банкротства граждан и пр.) назрела задолго до их фактического принятия.

Кредиторы получают все больше возможностей, однако институт банкротства к настоящему моменту так и не стал действенным инструментом возврата долгов: многие должники входят в процедуру банкротства без активов, буксует не только исполнение судебных решений о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, но и продажа имущества банкрота, которое в процессе торгов теряет 70–80 % стоимости. Одним из вариантов решения проблемы в сфере торгов может стать широко обсуждаемая в последние годы инициатива изменения существующего порядка проведения торгов на так называемую комбинированную систему голландского аукциона, где рынок с самого начала сам определяет цену продаваемого имущества, потому что торги проводятся путем последовательного поэтапного изменения (повышения или понижения) начальной цены на один шаг [34]. Представляется, что реформа также должна включать введение новой востребованной информационной системы для раскрытия данных о формировании и реализации конкурсной массы, переход к организованному рынку торгов³², передачу торгов в банкротстве универсальным электронным торговым площадкам с последующим сокращением их числа и отменой излишнего саморегулирования.

Увеличение результативности процедур банкротства для всех участников [35] также видится не только в модификации существующих процедур банкротства и трансформации системы по выделенным выше содержательным направлениям, а в предупреждении банкротства проблемных, но жизнеспособных компаний, в том числе на основе использования механизма слияний и поглощений [36], инструментария досудебной реструктуризации, наработанного мировой практикой.

³² Суворов Е. Д. Создание организованного рынка банкротных финансовых инструментов как способ противодействия контролируемым торгам. Направления и программа совершенствования процедур реализации конкурсной массы // *Zakon.ru*. 16.01.2020. URL: https://zakon.ru/blog/2020/1/16/sozдание_organizovannogo_rynka_bankrotnyh_finansovyh_instrumentov_kak_sposob_protivodejstviya_kontro (дата обращения: 30.01.2020).

В целом в развитии современного российского института банкротства наблюдается некоторая дихотомия: на фоне мозаичного обновления имеющихся норм, особенно в кризисные периоды, возникают различные концептуально новые законопроекты. По нашему мнению, при должной доработке они могли бы изменить общий вектор формирования института параллельно мировым трендам – переориентировать модель на восстановление бизнеса жизнеспособных должников, внедрить нормы о трансграничном банкротстве [37], несостоятельности групп компаний, усилить защиту служащих при несостоятельности работодателя [38], однако эти законопроекты (как и упомянутый проект о реструктуризации долгов, получивший очередной отрицательный отзыв в марте 2021 г.) по сей день воспринимаются как некая перспективная концепция реформирования, далекая от современных реалий и уступающая точечному решению более насущных проблем.

Список литературы

1. Шершеневич Г. Ф. Учение о несостоятельности. Казань: Тип. ун-та, 1890. 461 с.
2. Гольмстен А. Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса / под ред. А. Г. Смирных. М.: Издание книг ком, 2019. 288 с.
3. Попондопуло В. Ф. Конкурсное право: правовое регулирование несостоятельности (банкротства) предпринимателей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. 331 с.
4. Витрянский В. В. Постатейный комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)». Общие и переходные положения. (Начало) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. М.: ЮРИТ, 1998. № 4. С. 71–113.
5. Карелина С. А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М.: Волтерс Клувер, 2008. 568 с.
6. Свириденко О. М. Российское законодательство о банкротстве: к истории становления. М.: Норма, 2005. 64 с.
7. Егоров А. В. Установление требований кредиторов при банкротстве // Хозяйство и право. 2019. № 3 (506). С. 22–41.
8. Суворов Е. Д. Банкротство в практике Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: энциклопедия правовых позиций за 2014–2018 гг. М.: Статут, 2019. 447 с.
9. Пахаруков А. А. Должник как субъект отношений, возникающих при несостоятельности (банкротстве): социально-экономическая и правовая характеристика // Социальная компетентность. 2019. Т. 4, № 4. С. 327–338.
10. Altman E. I. et al. Financial distress prediction in an international context: A review and empirical analysis of Altman's Z-score model // Journal of International Financial Management & Accounting. 2017. Vol. 28, № 2. Pp. 131–171. DOI: <https://doi.org/10.1111/jifm.12053>
11. García V. et al. Dissimilarity-based linear models for corporate bankruptcy prediction // Computational Economics. 2019. Vol. 53, № 3. Pp. 1019–1031. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10614-017-9783-4>
12. Predicting corporate bankruptcy: An evaluation of alternative statistical frameworks / S. Jones, D. Johnstone, R. Wilson // Journal of Business Finance & Accounting. 2017. Vol. 44, № 1 (2). Pp. 3–34. DOI: <https://doi.org/10.1111/jbfa.12218>
13. Two-step classification method based on genetic algorithm for bankruptcy forecasting / Y. Zelenkov, E. Fedorova, D. Chekrizov // Expert Systems with Applications. 2017. Vol. 88. Pp. 393–401. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2017.07.025>
14. Wang N. et al. Bankruptcy prediction using machine learning // Journal of Mathematical Finance. 2017. Vol. 7, № 4. Pp. 908–918. DOI: <https://doi.org/10.4236/jmf.2017.74049>
15. Shi Y., Li X. A bibliometric study on intelligent techniques of bankruptcy prediction for corporate firms // Heliyon. 2019. T. 5, № 12. Pp. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2019.e02997>
16. Прогнозирование банкротства организации на основе метрических методов интеллектуального анализа данных / И. В. Ариничев, Л. Г. Матвеева, И. В. Ариничева // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2018. Т. 9, № 1. С. 61–73. DOI: <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2018.9.1.061-073>
17. Казаков А. В., Кольшшкин А. В. Разработка моделей прогнозирования банкротства в современных российских условиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2018. № 34 (2). С. 241–267. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2018.203>
18. Лукасевич И. Я., Львова Н. А. Как измерить расстояние до банкротства: подходы для формирующегося рынка // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2019. № 1. С. 165–178.
19. Могилат А. Н. Оценка финансовой устойчивости российских промышленных компаний, или О чем говорят банкротства // Вопросы экономики. 2019. № 3. С. 101–118. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-3-101-118>

20. Бобылева А. З., Львова О. А. Предупреждение банкротства: институциональная поддержка слияний и присоединений проблемных компаний // Проблемы теории и практики управления. 2019. № 7. С. 87–99.
21. Львова О. А. Реабилитационный потенциал банкротства бизнеса: определить, измерить, увеличить // ЭКО. 2019. № 6. С. 83.
22. Бобылева А. З. Инициативы совершенствования института банкротства в России: шаг вперед, два шага назад // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 70. С. 7–32.
23. Меркуро Н., Медема С. Экономическая теория и право: от Познера к постмодернизму и далее / пер. с англ. Т. Шишкиной, науч. ред. перевода М. Одинцова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 648 с.
24. Радыгин А. Д., Симачев Ю. В. Институт банкротства в России: особенности эволюции, проблемы и перспективы // Российский журнал менеджмента. 2005. Т. 3, № 2. С. 43–70.
25. Ефремов В., Бабкин О. Аналитический отчет: защита прав кредиторов при банкротстве должника. М.: TrendLaw, 2018. 112 с.
26. Львова О. А. Роль инструментария финансовых расследований в процедурах банкротства компаний // Вестник Института экономики РАН. 2018. № 2. С. 125–140.
27. Егоров А. В., Усачева К. А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 12. С. 6–61.
28. Лотфуллин Р. К. Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве. М.: Saveliev, Batanov & Partners, 2018. 860 с.
29. Бобылева А. З., Львова О. А. Финансово-экономический инструментарий выявления признаков объективного банкротства // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 1. С. 22–39. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.22-39>
30. Мифтахутдинов Р. Т. Эволюция института субсидиарной ответственности при банкротстве: причины и последствия правовой реформы // Закон. 2018. № 5. С. 187–191.
31. Шиткина И. С. Имущественная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве: очередные законодательные новеллы // Хозяйство и право. 2017. № 11. С. 41–61.
32. Бобылева А. З. Проведение анализа финансового состояния должника в процедурах банкротства: проблемы и решения // Право и экономика. 2017. № 11. С. 26–32.
33. Пешкова О. А. Обеспечение и защита прав граждан-должников при строительстве и (или) банкротстве застройщика // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. С. 55–61.
34. Ершов Д. В. Совершенствование законодательства о банкротстве в части регулирования порядка проведения торгов // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11 (96). С. 87–95.
35. Львова О. А. Оценка результативности и эффективности банкротства // Финансы. 2019. № 7. С. 58–62.
36. Бобылева А. З., Львова О. А. Слияния и присоединения неблагополучных компаний как механизм оздоровления бизнеса и предупреждения банкротства // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 74. С. 218–240. URL: http://ee-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2019/issue__74._june_2019/economic_questions_in_administration/bobyleva_lvova.pdf (дата обращения: 16.03.2021).
37. Мохова Е. В. Глобализация трансграничных банкротств в России: опыт движения на запад и перспективы развития в Евразийском направлении // Закон. 2017. № 5. С. 124–137.
38. Проблемы признания недействительными выплат работникам в преддверии банкротства работодателя – парадоксы теории и практики / М. Телюкина, Т. Иванова, Е. Куликов // Хозяйство и право. 2017. № 7. С. 67–88.

References

1. Shershenevich G. F. *The doctrine of insolvency*, Kazan, 1890, 461 p. (in Russ.).
2. Golmsten A. H. *History of the Russian competitive process*, Moscow, Izdanie knigi kom, 2019, 288 p. (in Russ.).
3. Popondopulo V. F. *Competitive law: legal regulation of insolvency (bankruptcy) of entrepreneurs*, Saint Petersburg, St. Petersburg State University Publishing House, 1995, 331 p. (in Russ.).
4. Vitryansky V. V. Article-by-article commentary to the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)”. General and transitional provisions. (Beginning), *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*, Moscow, YURIT, 1998, No. 4, pp. 71–113 (in Russ.).
5. Karelina S. A. *The mechanism of legal regulation of insolvency relations*, Moscow, Volters Kluwer, 2008, 568 p. (in Russ.).
6. Sviridenko O. M. *Russian legislation on bankruptcy: on the history of its formation*, Moscow, Publishing house Norma, 2005, 64 p. (in Russ.).

7. Egorov A. V. Establishing the claims of creditors in bankruptcy, *Khozyaystvo i pravo*, 2019, No. 3 (506), pp. 22-41 (in Russ.).
8. Suvorov E. D. *Bankruptcy in the practice of the Supreme Court of the Russian Federation and the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation: an encyclopedia of legal positions in 2014–2018*, Moscow, Statute, 2019, 447 p. (in Russ.).
9. Pakharukov A. A. The debtor as a subject of relationship arising in case of insolvency (bankruptcy): socio-economic and legal characteristic, *Social competence*, 2019, Vol. 4, No. 4, pp. 327–338 (in Russ.).
10. Altman E. I. et al. Financial distress prediction in an international context: A review and empirical analysis of Altman's Z-score model, *Journal of International Financial Management & Accounting*, 2017, Vol. 28, No. 2, pp. 131–171. DOI: <https://doi.org/10.1111/jifm.12053>
11. García V. et al. Dissimilarity-based linear models for corporate bankruptcy prediction, *Computational Economics*, 2019, Vol. 53, No. 3, pp. 1019–1031. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10614-017-9783-4>
12. Jones S., Johnstone D., Wilson R. Predicting corporate bankruptcy: An evaluation of alternative statistical frameworks, *Journal of Business Finance & Accounting*, 2017, Vol. 44, No. 1 (2), pp. 3–34. DOI: <https://doi.org/10.1111/jbfa.12218>
13. Zelenkov Y., Fedorova E., Chekrizov D. Two-step classification method based on genetic algorithm for bankruptcy forecasting, *Expert Systems with Applications*, 2017, Vol. 88, pp. 393–401. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2017.07.025>
14. Wang N. et al. Bankruptcy prediction using machine learning, *Journal of Mathematical Finance*, 2017, No. 7 (4), pp. 908–918. DOI: <https://doi.org/10.4236/jmf.2017.74049>
15. Shi Y., Li X. A bibliometric study on intelligent techniques of bankruptcy prediction for corporate firms, *Heliyon*, 2019, Vol. 5, No. 12, pp. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2019.e02997>
16. Arinichev I. V., Matveeva L. G., Arinicheva I. V. Forecasting the bankruptcy of an organization based on metric methods of data mining, *Journal of Economic Regulation*, 2018, Vol. 9, No. 1, pp. 61–73 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2018.9.1.061-073>
17. Kazakov A. V., Kolyshkin A. V. The development of bankruptcy prediction models in modern Russian economy, *Saint Petersburg University Journal of Economic Studies*, 2018, Vol. 34, iss. 2, pp. 241–266 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2018.203>
18. Lukasevich I. Ya., Lvova N. A. How to measure the distance to bankruptcy: solutions for the emerging market, *Management and business administration*, 2019, No. 1, pp. 165–178 (in Russ.).
19. Mogilat A. N. Modelling financial distress of Russian industrial companies, or What bankruptcy analysis can tell, *Voprosy Ekonomiki*, 2019, No. 3, pp. 101–118 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-3-101-118>
20. Bobyleva A. Z., Lvova O. A. Bankruptcy prevention: institutional support for mergers and acquisitions of distressed companies, *International Journal of Management Theory and Practice*, 2019, No. 7, pp. 87–99 (in Russ.).
21. Lvova O. A. Rehabilitation Potential of a Business Bankruptcy: to Determine, to Measure, to Increase, *ECO*, 2019, No. 6, pp. 83–102 (in Russ.).
22. Bobyleva A. Z. Initiatives to Improve the Institution of Bankruptcy in Russia: Step Forward, Two Steps Back, *Public administration. E-journal*, 2018, No. 70, pp. 7–32 (in Russ.).
23. Merкуро N., Medema S. *Economic theory and law: from Posner to postmodernism and beyond*, Moscow, Gaidar Institute Publishing House, 2019, 648 p. (in Russ.).
24. Radygin A. D., Simachev Yu. V. Institute of bankruptcy in Russia: features of evolution, problems and prospects, *Russian Journal of Management*, 2005, Vol. 3, No. 2, pp. 43–70 (in Russ.).
25. Efremov V., Babkin O. Analytical report: protection of the rights of creditors in the bankruptcy of the debtor. Moscow, TrendLaw, 2018, 112 p. (in Russ.).
26. Lvova O. A. The role of financial investigations in the companies' bankruptcy proceedings, *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 2018, No. 2, pp. 125–140 (in Russ.).
27. Egorov A. V., Usacheva K. A. Subsidiary liability for bringing to bankruptcy is an unsuccessful equivalent of the Western doctrine of lifting the corporate cover, *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, 2013, No. 12, pp. 6–61 (in Russ.).
28. Lotfullin R. K. *Subsidiary and other liability of persons controlling the debtor in bankruptcy*, Moscow, Saveliev, Batanov & Partners, 2018, 860 p. (in Russ.).
29. Bobyleva A. Z., Lvova O. A. Financial-economic tools for identifying the signs of objective bankruptcy, *Actual Problems of Economics and Law*, 2020, Vol. 14, No. 1, pp. 22–39 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.22-39>
30. Miftakhutdinov R. T. Evolution of the institution of subsidiary liability in bankruptcy: causes and consequences of legal reform, *Zakon*, 2018, No. 5, pp. 187–191 (in Russ.).
31. Shitkina I. S. Property liability of persons controlling the debtor in bankruptcy: regular legislative novelties, *Khozyaystvo i pravo*, 2017, No. 11, pp. 41–61 (in Russ.).

32. Bobyleva A. Z. Conducting an analysis of the debtor's financial condition in bankruptcy procedures: problems and solutions, *Pravo i ekonomika*, 2017, No. 11, pp. 26-32 (in Russ.).
33. Peshkova O. A. Ensuring and protecting the rights of citizens-shareholders in the construction and (or) bankruptcy of the developer, *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 2019, No. 2, pp. 55-61 (in Russ.).
34. Ershov D. V. Bankruptcy legislation improvement with regard to the tender procedure regulation, *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*, 2018, No. 11 (96), pp. 87-95 (in Russ.).
35. Lvova O. A. Evaluation of the effectiveness and efficiency of bankruptcy, *Finansy*, 2019, No. 7, pp. 58-62 (in Russ.).
36. Bobyleva A. Z., Lvova O. A. Mergers and Acquisitions of Distressed Companies as a Mechanism of Business Recovery and Bankruptcy Prevention, *Public Administration. E-journal*, 2019, No. 74, pp. 218-240, available at: http://ee-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2019/issue__74._june_2019/economic_questions_in_administration/bobyleva_lvova.pdf (access date: 16.03.2021) (in Russ.).
37. Mokhova E. V. Globalization of cross-border bankruptcies in Russia: the experience of moving to the West and prospects for development in the Eurasian direction, *Zakon*, 2017, No. 5, pp. 124-137 (in Russ.).
38. Telyukina M., Ivanova T., Kulikov E. Problems of invalidating payments to employees on the eve of the employer's bankruptcy – paradoxes of theory and practice, *Khozyaystvo i pravo*, 2017, No. 7, pp. 67-88 (in Russ.).

Дата поступления / Received 17.03.2021

Дата принятия в печать / Accepted 24.04.2021

Дата онлайн-размещения / Available online 25.06.2021

© Львова О. А., 2021

© Lvova O. A., 2021

ПОЗНАНИЕ

Менеджмент 4.0 цифровой экономики Германии: опыт и инструменты для цифровой экономики России / Г. Шева, С. Хюзиг, Г. И. Гумерова, Э. Ш. Шаймиева. Казань : Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. 75 с.

В настоящей монографии содержатся результаты научно-исследовательской работы авторов за 2013–2019 гг., где инициатива «Индустрия 4.0» представлена на основе обзора трудов немецких ученых как ноу-хау немецкой экономической школы и как концептуально-программная разработка. Методологией исследования является авторская структура реализации «Индустрии 4.0» посредством инструментов «Менеджмент 4.0» в трех блоках: «Индустрия 4.0» – ноу-хау немецкой экономической школы для развития цифровой экономики; реализация «Индустрии 4.0» в организациях цифровой экономики; развитие компетенций в аналоговых и оцифрованных производственных процессах. Авторская структура «Менеджмент 4.0» учитывает пробелы в стартовом этапе российской цифровой экономики. На основе опыта и инструментов «Менеджмента 4.0» сформировано понятие «менеджмент цифровой экономики»: определен инструментарий и разработаны направления развития российской цифровой экономики.

Предназначена для обучающихся по программам бакалавриата и магистратуры по направлениям «Менеджмент», «Экономика», «Инноватика», руководителей, планирующих успешно управлять предприятием в условиях цифровой экономики; специалистов в области цифровой экономики, лиц, повышающих квалификацию или проходящих переподготовку по данным направлениям, а также исследователей, интересующихся вопросами развития теории и практики менеджмента цифровой экономики.